

УДК 811.112.2282.4:39(571.16)

**СКРЫТЫЕ ПОКАЗАНИЯ ОБЫДЕННОГО
МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ТОМСКИХ
НЕМЦЕВ**

О.А. Александров

Томский политехнический университет

E-mail: alekandrov@tpu.ru

Александров Олег Анатольевич, канд. филол. н., доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета.

E-mail: alekandrov@tpu.ru

Область научных интересов: немецкая диалектология, «островная» диалектология, «наивная» лингвистика.

В качестве теоретической основы предлагаемой работы служит принятое в отечественной наивной лингвистике понимание того, что сфера человеческого сознания, выполняющая функцию рефлексора языка, обладает многоуровневой структурой. В отличие от схожих работ по вопросам бытовой рецепции языка, в статье предпринимается попытка сместить фокус исследования с явлений, лежащих на поверхностных уровнях обыденного метаязыкового сознания и доступных стороннему наблюдателю через их текстовую реализацию в речи, к явлениям более глубокого порядка. Таким образом, в работе анализируются собранные в по-

левых экспедициях, наиболее типичные для диалектной речи томских немцев скрытые проявления метаязыковой рефлексии, даётся их классификация, акцентируется влияние билингвизма на характер их построения, отслеживается связь с явными показаниями обыденного метаязыкового сознания.

Ключевые слова:

Диалекты российских немцев, наивная лингвистика, обыденное метаязыковое сознание, формы экспликации метаязыковой рефлексии.

В последние годы вопросам бытовой интерпретации языка уделяют все больше внимания как отечественные, так и зарубежные специалисты. Их усилия направлены на описание наивных знаний о языке с целью дополнения и расширения достижений языкознания, полученных посредством применения традиционных методов [1. С. 22–23]. Сегодня в мировой гуманитарной науке уже устоялось мнение о том, что бытовые представления как об окружающем, так и о внутреннем мире человека не менее сложны и интересны, чем научные представления, т. к., обращаясь к наивному, мы имеем дело со знанием, основанном на наблюдениях и опыте интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий [2. С. 15]. Специальная лингвистическая дисциплина – наивная или народная лингвистика, которая в последние годы активно развивается, – ставит во главу угла изучение явлений и процессов, составляющих бытовое знание о языке.

Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что подходы зарубежных и российских учёных к изучению обозначенного лингвистического объекта разнятся. Представители наивной лингвистики Германии, США, Венгрии и других стран в качестве заглавных терминов своих научных работ активно используют заимствованные из психологии и социологии понятия *wahrnehmung* (нем.: Wahrnehmung, англ.: perception) и *установка* (нем.: Einstellung, англ.: attitude). При этом бытовое отношение к языку выявляется и анализируется, как правило, посредством использования методов количественной лингвистики. Из психологии и социологии зарубежная наивная лингвистика заимствует не только терминологию, но и такие методы и приёмы, как когнитивное картирование, метод парных масок, нарративное интервью и т. д. (более подробный обзор современных зарубежных работ по наивной лингвистике см. в [3], [4]).

В России наивная лингвистика как самостоятельная отрасль языкознания представлена меньшим количеством работ и проектов чем, например, в Германии. Так, в университете г. Киль реализуется проект «Немецкий языковой ландшафт с точки зрения дилетантов в области лингвистики» (нем.: Der deutsche Sprachraum aus der Sicht der linguistischen Laien), а в Институте немецкого языка г. Мангейм – «Выявление и анализ актуальных языковых установок в

Германии» (нем.: *Erkundung und Analyse aktueller Spracheinstellungen in Deutschland*). Привести примеры подобных крупных проектов, осуществляемых в России, пока не представляется возможным. Однако в современной отечественной науке в рамках таких стремительно развивающихся антропоориентированных направлений, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, в числе ряда других вопросов исследуется вопрос о том, что обычный человек, не вооружённый специальными лингвистическими знаниями, думает о языке. Центральным термином отечественной наивной лингвистики выступает введённое А.Н. Ростовской в научный обиход словосочетание *метаязыковое сознание* [5. С. 45]. Н.Д. Голев дополнил это словосочетание прилагательным *обыденное* [6. С. 7–10]. Как известно, ключевое слово обсуждаемого здесь термина – *сознание* – является трудным для определения, поскольку используется и понимается достаточно широко. Общим в различных трактовках *сознания* является подчеркивание того, что в его основе лежит рефлекторно-отражательная природа психики человека: «Сознание – категория для обозначения ментальной деятельности человека по отношению к самой этой деятельности» [7]. Так же получивший распространение в отечественной наивной лингвистике термин *обыденное метаязыковое сознание* (далее ОМЯС) отражает достаточно сложный и многогранный феномен, охватывающий всю ту часть когнитивной сферы человека, в которой он, так сказать, встаёт «над языком». Две оси координат – язык и рефлексия, заданные понятием ОМЯС, покрывают широкий спектр аспектов языковой деятельности: «Метаязыковое сознание дисперсно по всем сферам языка и речевой деятельности, являя себя в разных степенях актуализации, в разном содержании (прежде всего функциональном) и разных формах бытия (интуитивных, логических, имплицитных, вербальных и т. п.) [6. С. 14].

Такое комплексное понимание отечественными учёными объекта науки, изучающей язык о языке, позволяет выделить в нём уровневую структуру: «метаязыковое сознание включает в себя не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания ...» [5. С. 45]. Мнение о том, что в ОМЯС необходимо выделять уровни от интуитивной/имплицитной/невербализованной до осознанной/развернутой/вербализованной рефлексии, высказывают и другие российские ученые. Так, С.И. Шумарин и М.Р. Шумарина, обобщая рассуждения лингвистов по этому поводу, пишут следующее: «Наиболее очевидными показателями деятельности метаязыкового сознания являются вербальные комментарии к фактам языка/речи, однако метаязыковые представления носителя языка далеко не всегда получают прямое словесное выражение. Исследователи неоднократно указывали, что метаязыковые оценки могут носить имплицитный характер» [8. С. 151].

Результаты научного описания метаязыковой рефлексии томских немцев, актуализируемой в форме развёрнутых речевых высказываний (метатекстов), представлены в ряде предыдущих публикаций автора предлагаемой работы (см. [9], [10] и др.). Фокус же данного исследования обращен к более глубокому уровню ОМЯС, который проявляется в речи в неявных формах. Другими словами, объектом исследования выступает такой уровень ОМЯС, который носит пограничный характер: с одной стороны, он не находит выражение в развёрнутых метаязыковых комментариях (метатекстах), но при этом не полностью имплицитован, скрыт от стороннего наблюдения. Н.Д. Голев отмечает, что «спонтанная, чувственная, автоматическая сторона речевой деятельности образует свёрнутые (в очень разной степени) и автоматизированные формы осознанного, рационального, творческого использования языка, что проявляется и в возможности разворачивания этих форм» [6. С. 9]. Основываясь на данной мысли, можно сказать, что описываемая «пограничная» зона ОМЯС актуализируется в недоразвёрнутых, усечённых речевых явлениях.

Е.В. Иванцова, изучая специфику метаязыковой рефлексии носителей русских диалектов, отмечает, что этот вид ментальной деятельности человека имеет различные способы экспликации: как явные (например, метатексты), так и менее ярко выраженные формы [11. С. 254]. Для наименования данных форм упомянутый учёный использует термин *скрытые показания ОМЯС*. Этому термину придерживается и автор предлагаемой работы. В работе обобщаются зафиксированные в речи томских немцев скрытые показания ОМЯС, определяются коммуникативные условия их актуализации, а также предпринимается попытка описать функциональную составляющую этих речевых явлений.

В качестве информантов исследования выступили этнические немцы, активно владею-

шие родным языком – одним из говоров немецкого языка. Абсолютное большинство опрошенных интервьюентов являются членами семей-спецпереселенцев, прибывших в Томскую область из разных районов АССР немцев Поволжья в начале Великой Отечественной войны. Опрошенные на территории Томской области информанты являются носителями разных, не идентичных друг другу немецких говоров. Однако все изученные нами говоры характеризуются схожестью и принадлежат к западносреднемецкому типу диалектов с пфальцской основой. Помимо немецкого говора, усвоенного от родителей, информанты свободно говорят на русском языке, т. е. являются билингвами. В той или иной степени немцы Томской области владеют и немецким литературным языком.

Полевой сбор языкового материала в местах компактного проживания томских немцев (с. Кожевниково, Каргасок, Парабель, Александровское) показывает, что билингвизм и диглоссия способствуют активизации метаязыковой рефлексии: участники экспедиций достаточно часто фиксируют в наблюдаемой речи как явные, так и скрытые показания ОМЯС. Специальный анализ позволяет выделить в общем корпусе собранных скрытых показаний ОМЯС три группы.

Коммуникативную задачу скрытых показаний ОМЯС **первой группы** можно обозначить как непосредственно метаязыковую. Они используются для **пояснения тех или иных языковых явлений или/и для привлечения к ним внимания собеседника**.

Надо отметить, что исследователи говоров томских немцев, собирающие языковой материал в полевых условиях, не владеют тем или иным описываемым идиомом. Поэтому в ходе интервью нередко возникает необходимость пояснения значения той или иной лексической единицы со стороны информанта. Для толкований значений лексических единиц диалектоносители прибегают как к развёрнутым метаязыковым высказываниям, так и к способу, который в условиях свободного владения мажоритарной формой языка (русским языком) значительно экономит речевые усилия информанта: к повтору поясняемой диалектной единицы на русском языке. Повтор с переключением языкового кода (code-switching) является одним из наиболее распространённых примеров скрытых показаний ОМЯС, фиксируемым в речи опрошенных российских немцев.

В зависимости от ряда факторов (индивидуальные речевые особенности информанта, степень владения диалектом, особенности хода интервью и т.д.) могут повторяться:

- a) слова/словосочетания, значение которых (согласно вербальным и невербальным сигналам) не ясно собеседнику (пример 1);
- b) слова/словосочетания, которые являются ключевыми (смыслообразующими) в высказывании (пример 2).

(1) *Hier im Dorf alles gut gemacht und mehr kann ich nicht sage. Die Wende sind glatt und weiß geweißt. Die Deitsche, die haben alle seine Stuben. Stuben?* (Переспрашивает, осознавая, что интервьюер не понимает данное слово.) *Des is квартира, дом.*

(2) *Mei mudr war krank, болела. Die ist ganz schwach geworde. Und nach drei Tach gestorbe, умерла она.* (Посредством переключения кода информант подчёркивает ключевое слово в высказывании – умирать.)

Исследователи языка российских немцев уже неоднократно отмечали, что повторение слов/словосочетаний с переключением кода является достаточно распространённым явлением в речи немецких диалектоносителей, проживающих в России. Наблюдения показывают, что билингвальные информанты прибегают к использованию обозначенного явления не только при общении с собеседниками, не владеющими немецким диалектом, но и при интеракции с немецкоязычными коммуникантами [12. С. 167–171]. Поэтому можно предположить, что повтор на русском языке наряду с метаязыковой функцией (пояснение значения повторяемого слова/словосочетания) выполняет и стилистическую задачу: он придаёт эмоциональную окраску высказыванию, подчёркивает его ключевые элементы, подытоживает сказанное.

Авторский опыт исследования метаязыкового сознания томских немцев показывает, что явления фонетического и морфологического ярусом языка по сравнению с лексическими особенностями реже становятся предметом развёрнутой метаязыковой рефлексии. Это объясняет-

ся, по-видимому, тем, что по сравнению со словарным составом языка фонетика и морфология являются более абстрактными категориями. Комментирование явлений обозначенных уровней языка требует специальных знаний и владение терминологией, которыми диалектоносители как лингвистические неспециалисты не обладают. Вместе с тем в собранном по итогам экспедиций материале зафиксированы скрытые показания ОМЯС, которые напрямую или косвенно затрагивают фонетические и морфологические свойства языка. К ним, например, относится выделение голосом и интонацией отдельного звука или морфа в слове.

Надо отметить, что поскольку исследователи не владеют описываемыми идиомами – немецкими диалектами, то в качестве языка-посредника (термин заимствован из работ А.Е. Кибрика) для общения с информантами, как правило, используется русский язык или литературная форма немецкого языка. Немецкая литературная речь в процессе коммуникативного взаимодействия интервьюера и информанта воспринимается последним нередко как язык близкий, родственный к родному идиому – диалекту, но не соответствующий в той или иной степени его нормам. Потому такой вид скрытого показания ОМЯС, как выделение голосом и интонацией звука/морфа в слове, фиксируется в речи диалектоносителей чаще всего как реакция на нарушение нормы родного языка со стороны интервьюера. В приведённых ниже примерах информанты корректируют литературную речь собеседника-лингвиста в соответствии с нормами родного языка (примеры 3, 4, 5).

(3) *Интервьюер: «Berge»?*

Информант: Nein, «Berche»! (выделяет голосом спирант *ch*)

(4) *Интервьюер: Haben Sie «Kissentuch» gesagt ?*

Информант: Kize, Kizzetuch (выделяет голосом звонкую *z*).

(5) *Интервьюер: Haben sie in Alexandrovskoe 18 Jahre gelebt ?*

Информант: Ja, 18 Johr, Joohr gelebt (выделяет голосом лабиализованное *o*).

Развёрнутые высказывания о тех или иных фонетических и морфологических особенностях (метатексты) также могут сопровождаться данным видом показаний ОМЯС. Голосом и интонацией выделяется поясняемое в метатексте фонетическое/морфологическое явление. Другими словами, информант может использовать одновременно два вида проявления ОМЯС: явное (метатекст) и скрытое (выделение голосом/интонацией поясняемого явления). Так, в нижеприведённом контексте (пример 6) диалектоноситель, делясь с лингвистом-интервьюером опытом общения с немцем родом из ФРГ, рассуждает о фонетическом своеобразии родного языка – немецкого говора на фоне немецкого литературного языка. Информант констатирует отсутствие горловой *r* в родном языке в отличие от кодифицированной формы языка. Рассуждая об этом, диалектоноситель выделяет комментируемое явление голосом, тем самым дополнительно акцентируя на нём внимание собеседника.

(6) *Дошли, значит, до зверей, птиц. Я говорю «Hase», «Ent» – и это всё, значит, он понимает, а потом говорит «Habe», ну, значит, «Rabə» – ворона, а он – «Habə». А он «r» не выговаривает, он меня зовёт «Hermit», я не понимаю меня-не меня, я говорю «Hermit» – да я! Мы как-то «r» выговариваем лучше, а вот он его почти не упоминает.*

Скрытые показания **второго типа встречаются в ситуациях уподобления информантами собственной речи чужой.** Это явление, как правило, наблюдается в случаях цитирования диалектоносителями чужой речи и при речевой синхронизации.

Цитирование – достаточно распространённое явление, фиксируемое при общении информанта с лингвистом. Чаще всего воспроизводятся высказывания ближайших родственников информантов, а также соседей, сослуживцев, коллег и других людей, с которыми интервьюент наиболее часто контактировал в течение жизни. Естественно, что цитирование чужой речи требует от говорящего рационального обращения с языком, так сказать, оно помещает его в позицию «над» ним. Однако к свидетельствам активности ОМЯС в момент цитирования следует

причислить не только сам факт воспроизведения чужой речи, но и сопровождающие цитату скрытые показания ОМЯС.

К скрытым показаниям ОМЯС, обнаруживаемым при цитировании немецкими диалектоносителями чужой речи, относится точное повторение информантом интонационного рисунка, который был свойственен тексту-оригиналу. Для реалистичной передачи чужой речи и экспрессивного окрашивания собственного речевого высказывания информанты воспроизводят интонацию и другие просодические особенности цитируемого высказывания. Как явствует из анализа фрагментов диалектной речи (примеры 7, 8), копирование чужой интонации также можно рассматривать в качестве показаний ОМЯС второго порядка, т. к. данное явление зачастую сопровождает метатексты.

(7) *Wie mein Mama immer gsagt: «Zu Haus kannst du net wasche, aber im Hof muss sauber sein»*
(копирует интонацию матери).

(8) *«Du kriechst Meti, kriechst du!» so hot mir die Muder gsagt!* (копирует интонацию бабушки).

Интонационный рисунок, ритм сохраняются и при воспроизведении устных рифмованных текстов, усвоенных диалектоносителями от своих родителей (примеры 9, 10).

(9) *Wie mai Mama immer gsagt:
«Hai Hai Rina, die Russe backe Bline,
die Daitische koche Nudelsupp und gefellte Kigel».*

(10) *Да ходили [на рождество] по домам и такую частушку проговаривали:
«ich wünsch aich glikseliges Neujohr, langes Lebe, Gesundheit, Fried und Einigkeit, die ewig Glick,
Seligkeit;
ich wünsch aich, geb mich gleich, lass nicht lang stehe, ich will weiter gehe, klip klap fünf Rubbeln in
Ricksak».*

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что просодика наравне с другими компонентами языковой системы находит отражение в ОМЯС. Примечательно, что просодические особенности немецких диалектов актуализируются не только в скрытых показаниях ОМЯС, но и в явных. Так, информантам свойственны рассуждения об интонационном своеобразии родного языка в сравнении с другими (пример 11). Опрошенные немцы также указывают, что просодические особенности прецедентных текстов (молитвы, обрядовые тексты, поговорки и т. д.) выступают основой или, образно говоря, цементирующим средством для их хранения в памяти (пример 12).

(11) *Мне наш язык больше нравится, чем этот в Германии. Мягче он как-то, не такой грубый. И песни петь на нём хорошо.*

(12) *Я так сразу вспомнить не могу [обрядовые тексты колядования], мне, ну, ... (задумался) мелодию припомнить надо.*

Метаязыковая рефлексия при цитировании чужой речи распространяется не только на просодику. Так, исследователи устных форм языков, в частности русских говоров, указывают на то, что диалектоносители, передавая чужую речь, осуществляют отбор лексических и других единиц языковой системы, не совпадающих с собственными нормами словоупотребления, но соответствующих индивидуальным и социальным особенностям речи цитируемых говорящих [11. С. 278]. Подобное явление свойственно и томским немцам: цитируя чужие высказывания, они копируют фонетические, морфологические и лексические особенности, свойственные речи носителей других немецких говоров, а также говорящих на немецком литературном языке. Иногда воспроизводство чужой языковой специфики носит нарочитый, карикатурный характер, тем самым усиливается экспрессивная функция цитаты. Так, в примере (13) информант, цити-

руя высказывание семилетней внучки, проживающей в Германии, не только копирует интонацию ребёнка, но и оформляет высказывание грамматически и синтаксически в соответствии с нормами немецкого литературного языка.

(13) *Mei Engelkindje leve in Teitschland. In Bamberg. Kennst du des? Kennst du die Stadt Bamberg? Mei Engeltochter wouhnt da, meine kleine, die ist sieven. Mir spreche oft no телефону. Тут недавно, ага «Oma, ich habe eine Eins, eine Eins gekriegt! Aber in die Schul, in die Schule (повторяет слово, корректируя его форму в соответствии с нормой немецкого литературного языка) ich will nicht mehr!» (смеётся).*

Для более точной передачи содержания чужого высказывания и речевой ситуации, в которой данное высказывание прозвучало, опрошенные немцы не только варьируют средствами родного языка или прибегают к использованию явлений других форм немецкого языка (говоров, не являющихся родными для информанта, и немецкого литературного языка), но и благодаря билингвизму могут полностью переходить на другой язык. Переключение кода происходит, как правило, в ситуациях, когда информант вынужден процитировать текст, сказанный на русском языке русскоязычным говорящим (пример 14).

(14) *Im Januar sin mir die drei Briday genomm worde. Wie des war? De Nacht komme. «Ufstehe!» Вставай! Der war Russ. «Вставай! И только три вещи с собой!» Ich uf, Sach zusamme und rausgefihrt.*

Своеобразие копируемой речи может представляться информанту комичным, поэтому цитаты нередко сопровождаются такой психико-физиологической реакцией, как смех. Смех (или улыбку) как проявление ироничного отношения к тем или иным явлениям языка также следует отнести к скрытым показаниям ОМЯС.

Копирование томскими немцами особенностей чужой речи можно наблюдать не только в случаях цитирования или самоцитирования. К скрытым проявлениям ОМЯС следует отнести использование немецкими диалектоносителями несвойственных для их естественной речи фонетических, грамматических и лексических явлений вследствие так называемого парадокса наблюдателя. Это явление, как известно, состоит в том, что речевое поведение информанта в присутствии стороннего человека (интервьюера) отклоняется от нормы, характерной для повседневного общения внутри естественного языкового коллектива. Как правило, результатом парадокса наблюдателя является стремление информанта синхронизировать свою речь с речью интервьюера.

Что касается *синхронизации* как лингвистической категории, то в её основе лежит понимание, что каждый говорящий обладает индивидуальным набором языковых знаний, которые в процессе интеракции коммуникантов должны быть согласованы [13. С. 41]. Синхронизацию можно часто наблюдать в процессе интервьюирования исследователями томских немцев с использованием немецкого литературного языка в качестве языка-посредника: интервьюер старается говорить просто, избегая сложных конструкций и неологизмов, а информант корректирует собственную диалектную речь в сторону литературной формы. Литературное окрашивание диалектной речи может варьироваться в зависимости от уровня владения информантом этой формой национального немецкого языка и распространяется чаще на фонетический и морфологический строй языковой системы, реже на лексический строй.

Третью группу составляют скрытые показания ОМЯС, зафиксированные в ситуациях, так сказать, обдумывания собственного речевого высказывания. Это могут быть проявления метаязыковой рефлексии, встречающиеся при оговорках, восстановлении речевой нормы, при затруднениях в выборе подходящего слова для корректного оформления речевого высказывания.

В случае оговорок, под которыми здесь понимается ненормативное употребление слова/словосочетания родного языка – немецкого диалекта, информанты восстанавливают речевую норму, как правило, по следующей схеме: оговорка → пауза, выражающая замешательство → смех (факультативно) → употребление таких частиц и междометий русского языка, как *ой*,

ну, нет, это (факультативно) → повтор слова/словосочетания в соответствии с нормой родного языка (иногда с ироничным выражением) или повтор слова/словосочетания с переключением кода (примеры 15, 16, 17).

(15) *In Lager war nichts zu esse. Arme Lait. Die waren alle gescholle, oï, geschwolle!*

(16) *Da war ich finfundeinzig, net, finfundzwanzig, ну двадцать пять лет было.*

(17) *Unser Direktor wollte net mei mam weg lasse. Mir mussten Erlavnis net, как это, в общем раз-решение, разрешение musste habe von Direktor.*

Все речевые явления и сопутствующие им элементы паравербальной коммуникации, следующие за оговоркой – употребление частиц, повтор слова на родном или на русском языке, пауза, смех, использование ироничной интонации и т. д. – являются неявными проявлениями метаязыковой рефлексии, которая активизировалась вследствие нарушения речевой нормы.

Как видно из представленных схем и примеров к ним, восстановление нормы при оговорках нередко осуществляется не только с переключением кода, т. е. с переходом на русский язык, но и с использованием частиц русского языка. Надо отметить, что употребление различных средств русского языка в качестве сигналов, обозначающих начало высказывания, его окончание, для заполнения пауз, привлечения внимания собеседника к высказыванию и т. д., является распространённым свойством диалектной речи российских немцев [12. С. 75–153]. Русскоязычные частицы и междометия как неявные проявления активности ОМЯС встречаются также в случаях, когда информант сомневается в корректности построения собственного речевого высказывания и в правильности подбора его элементов. Так, в примере (18) информант, подбирая подходящее слово в родном языке для обозначения такого предмета домашнего обихода, как ковёр, использует частицу русского языка *ну*, затем замедляет темп речи, делает паузу. В итоге, не подобрав соответствующего слова в родном языке, информант решается на использование эквивалента русского языка.

(18) *In Stub hun ich Bettje, uf Bettje – Kize mit накидушки, uf Polje steht Tischje, der Tisch, und liegt, ni ... (задумавшись молчит, пытается подобрать подходящие слово) ковёр. Ковёр, des is ковёр.*

Наряду с *ну* нередко в речи диалектоносителей встречается русское *так*. В примере (19) информант неуверенно произносит слово *bonvons* (нем. лит.: *Bonbons*), после чего употребляет русское *так* с вопросительной интонацией. Частицу *так* информант адресует собеседнику, тем самым он спрашивает у последнего о том, было ли корректно подобрано слово, произнесено ли оно в соответствии с нормой или нет. Наряду с метаязыковой функцией можно предположить, что русское *так* в проиллюстрированном примере несёт отчасти и прагматическую функцию, т. е. информант таким образом поддерживает и закрепляет коммуникативное взаимодействие с собеседником.

(19) *Sie war kranke, arg kranke, so ich krieg Mitleid, gekauft Konfete ... (задумалась, молчит), Bonvons, так? Tee gekauft und bin in Bolniza gegange.*

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что выделение скрытых показаний ОМЯС в общем потоке речи опрошенных информантов представляет собой непростую задачу. Так, явные проявления метаязыковой рефлексии обладают рядом содержательных и формальных признаков: тематическое наполнение метатекстов строится вокруг языка, а в их структуре всегда наличествуют существительные и глаголы с языковым значением. В отличие же от метатекстов скрытые показания ОМЯС в меньшей степени наделены общими выразительными признаками (маркерами), которые бы «сигнализировали» о причастности рассматриваемого явления к метаязыковой деятельности. Кроме того, вследствие диффузного характера границ между уровнями ОМЯС отделение его скрытых проявлений, с одной стороны, от явных (метатекстов), а с другой – от фактов актуализации когнитивных процессов, лежащих

вне процессов языковой рефлексии, является непростой задачей. Можно сказать, что скрытые показания ОМЯС лежат в периферийной зоне объекта наивной лингвистики: метаязыковая рефлексия, находящаяся в их основе, имеет столь свёрнутый характер, что данные явления зачастую вторгаются в поле исследовательских задач, уже не относящихся к вопросу «Что думает неспециалист о языке?». Вместе с тем именно периферийный характер скрытых показаний ОМЯС и сложность их обнаружения в общем корпусе собранного языкового материала образует актуальность предлагаемого исследования.

Несмотря на обозначенную специфику предмета исследования, специальный анализ собранного в полевых условиях материала позволил выделить наиболее типичные для речи российских немцев скрытые показания ОМЯС и представить их классификацию. Согласно ей скрытые показания ОМЯС в зависимости от речевой ситуации их актуализации подразделяются на три группы (табл. 1).

Таблица 1. Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев

Речевые ситуации использования скрытых показаний ОМЯС	Виды скрытых показаний ОМЯС
Пояснение языковых явлений / привлечение к ним внимания собеседника	– повтор слов с переключением кода; – выделение голосом/интонацией слова / части слова
Имитация чужой речи / синхронизация своей речи с чужой	– копирование просодических/фонетических/морфологических/лексических особенностей чужой речи; – смех/ирония при копировании особенностей чужой речи; – переключение кода; – литературное окрашивание диалектной речи
Нарушение/восстановление/ уточнение речевой нормы	– различные формы проявления речевого замешательства (пауза, смех, замедление темпа речи, употребление частиц, переход на шепот); – повтор слова в соответствии с нормой; – повтор слова с переключением кода; – использование ироничной интонации; – использование частиц и междометий русского языка

В дальнейшем представленные в работе перечень скрытых показаний ОМЯС и их классификация могут быть как оспорены, так и расширены за счёт вовлечения в исследование новых фактов, являющихся результатом мыслительных процессов на еще более глубоких уровнях человеческого сознания.

Проект выполнялся при поддержке гранта РГНФ, № 12-14-70600 (е)р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anders C.A. Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. – Berlin: de Gruyter, 2010. – 466 S.
2. Москвина Т.Н. Лексическая система островных верхненемецких говоров в диахронии. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2013. – 160 с.
3. Александров О.А. Диалектология восприятия: инновации в зарубежной лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2013а. – № 3 (24). – С. 52–57.
4. Александров О.А. Комплексное моделирование малого языка по данным обыденного метаязыкового сознания при соблюдении принципа методологической триангуляции // Современная филология: теория и практика: материалы XIV межд. науч.-практ. конференции. Москва, 27 декабря 2013. – М.: «Спецкнига», 2013 б. – С. 14–20.
5. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.

6. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч 1.: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 532 с.
7. Философский штурм. – URL: http://philosophystorm.org/olan_dug/4722.
8. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. IV: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2012. – 482 с.
9. Александров О.А., Андреева О.А. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34). – С. 16–19.
10. Александров О.А., Рихтер С.О. Метаязыковое лексическое поле: анализ речи российских немцев Томской области // Филологические науки: Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (31). – С. 16–20.
11. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
12. Blankenhorn R. Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien. – Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003. – 263 S.
13. Katerbow M. Individuelle Varietätenkompetenz und kommunikative Anforderungen. Sprachliche Synchronisierung und Binnenmigration zwischen Schwäbisch und Moselfränkisch // Moderne Regionalsprachen als multidimensionales Forschungsfeld / Katerbow M., Werth A. (Hrsg.). – Hildesheim / Zürich / New York: Olms, 2010. – 208 S.

Поступила 12.01.2015 г.